

Тишина в классе давила тяжёлым грузом, словно невидимая, липкая пелена.

Лучи закатного солнца косыми полосами падали из высоких окон на западной стене, разделяя пространство на чередующиеся полосы света и тени.

Воздух был пропитан запахом бумаги, типографской краски, слабым оттенком пота и молчаливым, почти трагическим сосредоточением.

Свободным оставалось лишь место старосты — Чжун Цзиня.

Я отвёл взгляд и опустил глаза на собственную парту.

Совершенно новенький учебник по обязательному русскому языку для старших классов выделялся бледно-серой обложкой, а тисненое золотом иероглифы названия слегка отсвечивали на солнце.

Пустота.

И дело было не только в учебнике по языку. Я достал из парты все учебники, один за другим выставив их на свет.

Пустота.

Ещё страшнее было то, что в этой восемнадцатилетней оболочке скрывалась душа двадцативосьмилетнего человека, измотанного десятью годами взрослой жизни и согнутого под тяжестью огромных долгов.

Я снова притянул к себе учебник по языку и открыл его на грандиозной поэме Цюй Юаня.

Одиноко встречаю холодную осень, река Сянцзян бежит на север, у истока острова Цзюйцзиньчжоу... — я попытался сосредоточиться и стал водить пальцем по строчкам, читая слово за словом.

Печальная инерция мозга взрослого человека: способность концентрироваться стала дефицитом.

Эй, одноклассник, просыпайся!

Незнакомый голос, в котором явно слышалось нетерпение, словно ледяной шип пронзил мою затуманенную грёзу. Я вздрогнул всем телом, подорвался из-за парты и сонным взглядом огляделся по сторонам.

Рядом с моим столом стоял худощавый парень в узких чёрных очках.

Он смотрел на меня сверху вниз, и взгляд за линзами недвусмысленно говорил: пришёл ещё один бездельник, это было до боли понятно и раздражающе.

Твои материалы для повторения. — Будучи кратким и по существу, он начал выкладывать передо мной стопку пособий, даже не дожидаясь, пока я окончательно проснусь.

Пять лет всекитайских вступительных экзаменов, три года моделирования: Русский язык, редакция А.

Обязательные задания для гаокао: Математика, базовый углубленный уровень.

38 вариантов Тяньли: Сборник новейших пробных тестов по английскому языку.

Исследование тестовых заданий: Физика, выпуск первый.

Золотые экзаменационные билеты: 45 вариантов по химии.

...

Глухие звуки ударов раздавались один за другим.

Толстые сборники задач, папки с тестами и тематическими прорывами росли передо мной, словно тяжёлые фундаментные блоки, быстро возводя удушающую миниатюрную гору.

Я инстинктивно повернул голову, надеясь получить от соседа по парте Ли Чжи хоть какой-то намёк или хотя бы сочувственный взгляд.

Однако увиденное заставило меня замереть.

Ли Чжи проснулся неизвестно когда.

Он вовсе не выглядел сонным или растерянным после недавнего пробуждения — сидел с прямой спиной, его взгляд был ясным и спокойным, когда он принимал от очкастого парня другую стопку материалов, предназначавшуюся ему.

Беря каждую книгу, он быстрым взглядом пробежал по обложке и выходным данным, а затем аккуратно раскладывал их по предметам и толщине в левом верхнем углу своей парты с точностью, словно движения были отретпированы сотую раз.

Он даже умудрялся отвлекаться: кончиком пальца он чуть подвинул слегка скосившуюся книгу, добиваясь идеального совпадения края всей стопки с краем стола.

Всё это время он был полностью поглощен своим делом и не удосужил меня даже мимолётным взглядом.

Когда ты уснул?

Внезапно подал голос Ли Чжи. Его тон был ровным, в нём не угадывалось никаких эмоций.

Он продолжал наводить порядок среди своих книг, поднимая учебник по олимпиадной математике повышенной сложности и бегло пролистывая оглавление.

Я протупил несколько секунд, прежде чем мой мозг с трудом переварил этот вопрос.

А? Я...

Ты открыл десятую страницу учебника по языку, — прервал он меня и наконец повернул голову, устремив взгляд на раскрытую передо мной книгу.

Уголки его губ едва заметно дрогнули вверх — этот изгиб был настолько мал, что казался игрой света и тени.

— И сразу отключился. Слюна, — он сделал паузу, словно подбирая подходящее слово, — стекла как раз на строчку: И в те годы мы были молоды, полны сил и задора. Выглядит... несколько двусмысленно.

Мое лицо мгновенно вспыхнуло, и я в панике хлопнул книгой.

Но было уже поздно — я и сам всё увидел: на десятой странице, прямо рядом с размашистыми рукописными иероглифами председателя Мао о юношеских годах, красовалось небольшое, но отчётливое влажное пятно.

Чувство стыда ледяными лианами мгновенно сковало сердце и горло. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Салфетки. — Снова раздался голос Ли Чжи, по-прежнему лишённый каких-либо интонаций.

Я опустил глаза и лишь теперь заметил, что в правом верхнем углу моей парты откуда-то появилась упаковка бумажных салфеток.

Мягкая пачка в голубую клетку, аккуратно надрезанная сверху, из неё уже выглядывал краешек белой салфетки.

Я совершенно не помнил, когда именно её положили.

У меня не было привычки носить с собой салфетки — в воспоминаниях о прошлой жизни всегда фигурировали рабочие салфетки из офиса или те дешевые пакетики, что прилагались к доставке еды.

Я воспользуюсь твоими салфетками. — Я вытянул одну, а голос звучал сухо, как шуршание наждачной бумаги.

Воспользовался, а теперь говоришь? — Ли Чжи наконец прекратил возиться с вещами, повернулся, слегка приподняв брови.

Полуденное солнце как раз освещало половину его лица, позволяя разглядеть густые ресницы, отбрасывавшие мягкую тень в виде веера на веки.

В его взгляде не было упрёка, скорее это походило на спокойное подтверждение из разряда «я так и знал».

Прости... — Я опустил голову ещё ниже.

Пользуйся.

Он уже отвернулся обратно, снова взял олимпиадное пособие, открыл нужную страницу и впился глазами в густо исписанные формулы, словно недавний диалог о салфетках не стоил и секунды его внимания.

Угу, спасибо. — Мягкой, приятно пахнущей свежей травой салфеткой я осторожно промакнул влажные следы на странице, а затем утёр уголки рта.

Парень в очках, раздававший учебники, давно уже испарился, словно завершив конвейерную работу, а я оказался последним в списке.

Глядя на эту внезапно выросшую передо мной гору книг и бросив взгляд на сопоставимую по размерам стопку Ли Чжи, которая, впрочем, выглядела так аккуратно, будто её измеряли линейкой, я почувствовал удушающее давление, сковавшее дыхание.

Что у нас сегодня на вечерней самоподготовке?

Понизив голос, я едва слышно спросил Ли Чжи. Мне нужно было хоть что-то сказать, чтобы разрушить эту пугающую тишину, да и информация была жизненно необходима.

Ничего не будет. — Он не поднимал головы, а кончик его ручки быстро вычислял что-то на полях пособия.

А?

На следующей неделе, когда подтянутся последние такие же, как ты, — он наконец отложил ручку и посмотрел на меня с пронзительным, абсолютным спокойствием во взгляде, — только тогда и начнётся полноценное повторение. А эти несколько дней официально считаются временем свободного повторения.

Он сделал паузу, обведя взглядом фигуры в классе — кто-то яростно строчил в тетрадах, а кто-то погрузился в глубокие раздумья. — На самом деле, это даётся новоприбывшим, чтобы они сами обнюхали почву, поняли, насколько далеко до берега, и заранее выстроили... психологическую защиту. Или подготовились к тому, чтобы всё бросить.

Его формулировки резали правду-матку с точностью скальпеля, отбрасывая любые розовые иллюзии и обнажая суровый скелет реальности.

Мышцы моего лица нервно дёрнулись.

Как медленно... — пробормотал я себе под нос, чувствуя невольное нетерпение. Время для меня было роскошью, которую приходилось исчислять секундами.

Медленно? — Ли Чжи издал едва слышный смешок, короткий и призрачный.

Он чуть откинулся назад, опираясь на жёсткую спинку стула, и равнодушно окинул взглядом класс: — Это они тебя ждут.

Меня ждут? — Я недоверчиво ткнул пальцем в собственный нос, голос от удивления слегка сорвался вверх, из-за чего пара человек с передних рядов обернулись, заставив меня тут же втянуть голову в плечи.

Ага. — Его взгляд вернулся к моему лицу, а тон был таким будничным, будто мы обсуждали погоду. — Этот класс называется третий класс повторения. Звучит вполне обычно, верно?

Он выдержал паузу: — Но из тех, кто сидит здесь, мало кто действительно не поступил на бакалавриат.

Ли Чжи бегло глянул на остальных: — Кто-то, как Чжан Хунфань, набрал баллы на неплохой

профильный вуз, но по какой-то дури решил пересдавать; кто-то срезался на отборе в провинциальную или национальную сборную по олимпиадам, а по обычной школьной программе немного недотянул и смириться не может; у кого-то здоровье или семейные обстоятельства сорвали экзамены.

Его изящные пальцы машинально погладили обложку олимпиадного учебника. — А такие, как ты, у которых до проходного балла на бакалавриат пропасть, и попавшие сюда благодаря... определённым связям — абсолютное меньшинство.

Его слова звучали холодно и чётко, лишая меня последней иллюзии.

Я здесь не ученик и даже не отстающий — я фактор риска, способный обрушить общую статистику.

Понятно. — Я опустил голову, и между нами снова повисло молчание. В классе раздавалось лишь шуршание страниц да скрип чернил.

Если ускоримся, сможешь понимать? — Внезапно снова заговорил Ли Чжи, и вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я растерялся.

Я поднял голову и растерянно уставился на него.

Тоже... тоже буду отставать. — Я горько скривил губы, признавая очевидный факт.

Слышал, ты хорошо учился? — Я ляпнул это практически не подумав, а сразу после вопроса захотел прикусить себе язык.

Дурацкий вопрос.

Ли Чжи посмотрел на меня взглядом, в котором читалось нечто трудноуловимое.

Нет. — Он отвёл глаза и снова уставился в свой учебник. — Просто база немного лучше твоей.

Ответ вышел двусмысленным.

Он не признал, что учился хорошо, лишь заметил, что его база «немного лучше». Но сам факт того, что можно говорить в таком тоне, находясь в подобном классе, говорил о многом.

Тогда ты... — Я помедлил, но всё же решился: — Ты провалил экзамены из-за неудачного стечения обстоятельств? Как жаль. — Я вспомнил, как Чжун Цзинь упоминал про травму или болезнь.

Движение рук Ли Чжи, перелистывавших страницы, едва заметно замерло на долю секунды.

И не то чтобы. — Его ответ остался прежним — кратким, лишённым эмоциональной окраски, однако вокруг него словно выросла невидимая стена.

Понятно. — Я благоразумно закрыл рот и больше не стал допытываться.

У каждого есть уголок, к которому не хочется прикасаться, особенно в таком месте. У меня он тоже был, причём настолько мрачный, что мог поглотить всё вокруг.

<http://bllate.org/book/19329/1890400>